

ВЕЛИКАЯ МИСТИФИКАЦИЯ?

Рассказ

*Не продаётся вдохновенье,
Но можно рукопись продать.*

А. С. Пушкин

По сей день не утихли споры о том, кто же настоящий автор сказки «Конёк-горбунок» — Ершов или Пушкин? В связи с приближающейся большой датой — 220-летием со дня рождения великого русского поэта — противостояние мнений усилилось, и я хочу рассказать о случае, который произошёл в самом конце прошлого, XX века. В то время, в 90-е годы я работал в петербургской развлекательной газете «Не скучай». Кто только к нам ни приходил, о каких только жизненных ситуациях мы ни рассказывали! И совсем не удивились, когда в редакцию буквально влетел длинноволосый молодой человек и выпалил:

— Хотите сенсацию? Пожалуйста! У нас на первом этаже перестраивают подвал, говорят — под торговую точку. Это неважно, суть в другом. Моя бабка ковырялась там в мусоре и обнаружила вот эти старинные листки! — Молодой человек потряс собой разломанной стопкой жёлтых страниц и мгновенно, как фокусник, убрал их в широченный карман цветастой куртки. — Я находку не оставляю, может, отнесу в музей. А всё, что надо, переписал. — Из внутреннего кармана он извлёк несколько сложенных листков и, красиво замедлив движение, положил на стол.

— Кто вы? — спросил я. — Прошу вас, представьтесь.

— Да пожалуйста! Иван Иванов. Студент! Разве это важно? Прочитайте это. Самое главное здесь! — Гордо тряхнув длинными прядями, молодой человек показал пальцем на оставленные листки и резво кинулся к выходу. — Пока! Надеюсь, понравится!

Я развернул страницы и подивился: текст напечатан на портативной пишущей машинке, читается легко, это уже неплохо. Залпом прочитал. Побежал в детскую библиотеку, взял «Конька-горбунка». Покопался в справочной литературе... Где же всё-таки истина?..

Впрочем, «находка» бабушки студента Иванова, хорошо обработанная, перед вами. Читайте!

1834

О Господи, спаси и помилуй! Наперёд беседы самому с собой осеню свою грудь перстами и трижды низко-низко припаду лбом ко сырой земле! Даже число обозначить остерегаюсь, неровен час — попадёт сокровенное в недобрые руки! А злой глаз и поганые люди сотворят гадкую непотребность... Мне желательно поделиться, душа просит соучастия и горнего совета, дабы не оскользнуться, не упасть под тяжестью

несчастья... Несчастье-то чрез меру тяжкое, того и гляди ещё более унетёт... Да, Господи, слишком невмоготу, потому и задыхаюсь, и внемлю самому крохотному лучику света. Потерять навеки-вечные отца-батюшку, единого наставника и кормильца, не дай, Боже, никому. Все вокруг вздыхают, сочувственно говорят похвальные слова, да толку-то от сего говорения никакого, разве кто в состоянии оторвать от своей брэнности хоть бы единый грошик... Да чего уж тут рядить! Нам, больной матушке и старшему моему брату, потребен не один грошик, проживание-то, оно ой как недешёвое. А мы эдак и вовсе без гроша! Как нам прожить нынче, в какой Храм идти с протянутой рукой? Признаюсь, от одной лишь мысли содрогнулся, а содрогнувшись, поверил сверкнувшему лучику надежды, разве не его ожидал, не на его ли чудесное явление надежды строил? А лучиком-то оказались предобро-добрые глаза и слова много-многоуважаемого Петра Александровича! Они не токмо обещали выволочь из беды, хотя ещё нисколько не сотворено, но и чудесно внушали тень о спасении! Господи, рази я ошибаюсь? Нет, драгоценный ты мой профессор! Благодарность тебе высочайшая от меня самого и, без толики сомнений, от моей больной матушки, коей невыносимей всего... Похоронить мужа-кормильца и очутиться в полной нищете, да на руках двое больших детинушки, а ведь ихнадобно и кормить, и поить, и напутственным родительским словом одаривать. Мой драгоценный профессор получше всех на свете сие понимает. Он ведаёт о чужом горе и всем существом своим настроен оказать помощь... Слава Тебе, Господи, не устаю вторить небесам, и молиться, и в пояс брякаться. Слава, вечная Слава! Не зря же мой несравненный профессор Плетнёв звал к себе в кабинет и адресок в руки прямёхонько препроводил, и душевно заверил — решительно иди к этому меценату, он-то, много не сомневайся, выручит из несчастья! Так я и пришагал по адреску-то вдоль Мойки до высоких деревянных ворот. Достучался, растолковал служаке — мол, к меценату, от самого профессора словесности, он врать не будет — должны принять. Протопал через двор, потом по скрипучим ступенькам — на этаж. Попал в большущую комнату, вроде как библиотека. Несколько рядов полок, все забиты книгами, корешки так и сверкают. Здесь же письменный стол, мягкие стулья, диванчик. Откуда ни возьмись явился и сам меценат. Невысокий, прямой, какой-то весь заросший, даже на щеках кудри. Крупный нос не спрячешь, да по краям голубоватые выпуклые глаза. А ещё — пухлые губы, улыбаются.

— Ну, здравствуй, племя младое, знакомое! — произнёс меценат весело с игривостью в голосе. Я со страхом догадался, неужели Пушкин? Его стихотворениями и сказками я увлекался, прячась от отца. Батюшка мои восторги никак не поощрял и строжайше увещевал: «Не путайся! Он смутьян и вольнодумец! Государь понапрасну в ссылки посылать не будет!» А я, глядя на живого Пушкина, запретноподумал: «Какой же он смутьян? Да и вольнодумства не чувствую, уж я бы точно увидел, простой весёлый человек, да ещё сочинитель, коих никогда не бывало! Может, других-товольностей чрезмерно много? На пальцах он носит тяжёлые перстни, да и ногти не состригает! Сие обстоятельство тёмным образом музыку меняет...» Пушкин, заметив мой взгляд, упавший на перстни, продекламировал:

— «Быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей». Разве не так?

Я нерешительно кивнул. Пушкин подхватил мою руку, потянул к письменному столу. Усадил на стул, а сам брякнулся на диванчик.

— Сколько вам, сударь, годочков? — шутиливо спросил Пушкин.

— Я не сударь, — достойно отвечивал я. — Я студент... Мне всего-то девятнадцать.

— Прекрасный возраст! Всё впереди. Сколько можно успеть! «Пока свободою горим, пока сердца для чести живы...»

— Спорить не буду, честь превышней всего... Я всё больше о своём

горе думаю...

— Про твоё горе знаю. Попробую помочь.

— Благодарствую, Александр Сергеевич.

Пушкин резко удивился:

— Я просил профессора меня не раскрывать!

— Он вас не раскрывал. Я сам догадался. Вас же кругом все знают! А я-то все сказки ваши прочитал. Про царя Салтана даже выучил. «Ветер на море гуляет и кораблик подгоняет, он бежит себе в волнах на раздутых парусах». Прочитать?

— Когда-нибудь в другой раз! — Этот лохматый человек, коего называют Пушкиным, громко рассмеялся. Похоже, моё выступление пришлось по душе. — Расскажи-ка о себе побольше.

Я, растерявшись, кое-как начал:

— Прибыли мы в Петербург четыре года тому назад... Жили не тужили... А нынче беда свалилась... Батюшка помер, матушка сильно больна... Никаких таких средств для прожитка... Посему придётся мнеопять в Тобольск...

— Тобольск? — встрепенулся Пушкин, в кудрявых зарослях головы заголубели глаза. — Там ведь наши ссыльные!

— Печальный факт, — согласился я. — Хуже не бывает, ежели на Государя покушаются... Когда их пригнали, мне-то было годов одиннадцать. Батюшка не велел даже смотреть на отступников.

— А кем был твой батюшка? — Пушкин явно насторожился.

— Служил по части законности, следил в уезде за порядком, — с чувством достоинства отвечивал я. — Он и в Петербурге до самых последних дней охранял Государя.

— Понятно. — Глаза Пушкина запрятались за кудрями. — Но горю твоему, так и быть, помогу...

— Никто не поможет, бедность сама милостыню просит, — отважился сказать я. — Разве только добрый меценат...

Пушкин неохотно, как-то по-стариковски, неуклюже поднялся, снял с полки пухлую рукопись.

— Ну-ка угадай, сколько стоит?

— Ваше-то сочинение? И гадать не буду, больших денег.

— Хочешь, подарю?

Вот так вопрос! Я серьёзно растерялся.

— Александр Сергеевич, таких дарений не бывает...

— Ещё как бывает! И не такие растут цветочки. — Он с бережным вниманием опустил рукопись мне на колени. — Бери и владей!

— Как я могу! — возмутился я. — Это же ваше!

— Было наше, теперь ваше! Понесёшь Сенковскому в журнал «Библиотека для чтения». Потом издашь книгу. Будут тебе деньги, с коими не пропадёшь.

— Нет, нет! — я даже привстал. — Не возьму, и всё тут!

— Непременно возьмёшь. Заодно и меня выручишь. — Пушкинвстал передо мной неприступной кудрявой скалой.

— Вас?.. Выручу?.. — нелепо забормотал я.

— Выручишь! Тем, что возьмёшь мою последнюю поделку-безделку. Я их столько понаделал, в глазах рябит!.. Выручай, ладно? — закончил он просительно.

Я стоял без движения, ни жив ни мёртв. А Пушкин не успокаивался, мягко настаивал:

— Чтобы не было кривотолков, сразу же, не откладывая, перепиши. Своей рукой! Да профессору покажи. Ну, дружочек, теперь всё!

Плохо сознавая происходящее, я, как беспомощного младенца, прижал рукопись к груди и с сильным биением сердца шагнул к выходу.

— И последнее, — изменившимся, каким-то железным голосом напутствовал Пушкин. — О нашей встрече не должна знать ни одна живая душа! Обещаешь?

То ли прохрипел я, то ли выкрикнул «благодарствую» и неизвестно каким путём оказался за воротами. Мне померещилось, я лишился рассудка, совсем не понимал, радоваться мне или исходить горькими слезами...

Придя домой, в давно уже приевшийся Графский переулок, первым делом трепетно помолился. Слава тебе, Господи! С дрожащими коленками уселся за стол, разложил рукопись и открыл первую страницу. Оказывается, сказка! Да ещё немислимых размеров, огромная-преогромная! Однако же по причине сильного волнения читать не сумел. Полезли всякие мысли овстрече с Пушкиным... Про обещание своё вспомнил — держать всё под секретом! И вот ведь в чём изумление, сам Пушкин, всем известный стихотворец, непревзойдённый сочинитель сказок, не шутя свою рукопись отдаёт незнакомцу, да ещё с упорной настойчивостью просит принять! Царский подарок! Рази не грех — отказать? Однако же перво-наперво следует взять себя в железные рукавицы и от корки до корки сие сочинение прочесть... С Божией помощью принудил себя отогнать подалеже лень и прилежно взялся за чтение. Взялся и был вознаграждён! Всею душой вошёл в сказку и восхитился до слёз, зело она понравилась народной простотой и непритворной разговорностью. Нашлись и затемнённые места, в коих призадумывался и несогласно мотал головой. Не зело ли опасно бают меж собой братья:

*Сколь пшеницы мы не сеем,
Чуть засушный хлеб имеем,
А коли неурожай,
То хоть в петлю полезай!*

Сия правда жутковата, но правда есть правда! Для спокойствия объяснение одно — не каждый ведь год приносит неурожай. А вот самый конец сказки заставил жутко поёжиться. Совсем недопустимо ужасно — батюшка Царь сварился в котле! Котёл-то с молоком, да молоко-то, вишь, не для пищи, не для утоления голода, а для убиения! Молоко-то на огне, смертельно кипит! Тут и коварная мысль остриём пронзила, не побежать ли к Пушкину, не вернуть ли ему с позором жуткое безобразие! И уж вскинулся было, картуз напялил, однако Господь остановил, заставил одуматься. Пушкин-то тебя выручает, руку помощи протянул, а ты рукопись ему в лицо швыряешь! Достоин ли сие действие истинного христианина православной веры?.. Охладил себя, одной зело здоровой мыслью успокоился! Сказка же, а в сказке чего угодно может случиться!

Сбежал в лавку, на последние грошки чернила да перья приобрёл, а бумагу и сладкую булочку для матушки мне позволили любезно в долг. Всё! Перекрестился и пошёл пёрышком скрипеть! Сразу же и неловкая претензия к Пушкину возникла. Ты не смотри, что известный литератор, он тоже горазд ошибки совершать. Местами у него изложено с большей серьёзностью, чем необходимо для лучшего восприятия, недостаёт народных подслушанных слов, хлёстких выражений. И ещё подумалось — ежели Пушкин в самделе мне сказку на совсем отдал, значит, она вся моя, могу в сомнительных местах исправить, конечно, где нужным сие посчитаю, наполнение народным духом рази возбраняется? Однако же не сию минуто, когда вся песня только сочиняется. Сейчасдолжен забиться в чёрной работе, в нудной, но обязательной переписке! Зело похвально, что старшой Николай где-то мотается с друзьями, а матушка притихла и спит... Ни одна душа не помешает!

Уж как спешил-торопился, до самой ночи корпел! Терпеливая матушка проснулась, даже ворчать стала, мол, зря свечи извожу. Она-то не знает, что не зря — с Божьей помощью успел перенести на бумагу первую часть сказки, дабы уже назавтра отнести Петру Александровичу. Остальные две части открипляю пёрышком потом, а покамест

следует узнать судьбу первой... Так и пошло одно приятное событие за другим, не менее приятным. Профессор П.А. Плетнёв, получив от меня рукопись, долгие часы не молчал. На другой же день он обрушил на меня и на всех студентов такую яростную радость, каковой и ожидать было нельзя. В аудитории, в коей скромно хоронился и я, он взял да прочитал нацарапанное мною вчера! Да похвалил при всех, да посоветовал немедля нести в «Библиотеку для чтения». Спасибо, я уж и сам знаю, куда нести. Все смотрят на меня, стали не давать проходу будто герою войны. Ура! Должны палить пушки! А после напечатания в «Библиотеке для чтения» меня уж с излишком захвалили... От славы я бежал, как от пожара! А что будет потом, когда выйдет столь ожидаемая книжка!?

Вдруг в жизнь мою врывается чёрный август... Тепло, дождей почти что нет, отдыхай себе вволю, взмахивай вёслами на лодках, на песочке валяйся, загорай... Нужды теперь нет, обходит стороной, спасибо Пушкину!.. Но есть судьба. И есть Господь, упреждающий нас о наших грехах... Не пришла ли расплата за светлое везение, кое свалилось на мою душу, как грозовой ливень среди бела дня... Теперь только и скажу, ведя разговор с самим собой посредством чернил и бумаги... Прости, Николай, старшой-то мой! Мы всё делили вместе, но судьба для расплаты почему-то избрала тебя... Тебя уже на грешной земле нет, но ты не сомневайся в нашей с матушкой любви и преданности, ты всегда с нами, могилку твою будем навещать, беседовать с тобой, приносить радостные вести. Жизнь-то никуда не убежала, и скоро уже выйдет в свет моя книжка, прельщущая сказка о Коньке-горбунке, о коей я тебе как-то раз поведал. И о Пушкине тебе сказывал, помнишь? Про то, как он спас наше бедное семейство от голодной смерти... Только тебе я мог открыть сию великую тайну... Спи спокойно, с нами Господь!..

А теперь не удержусь, расскажу самому себе, дабы укрепиться духом, ещё об одной каверзе сего непростого года. После лекций обступили меня в аудитории три вольнодумных старшекурсника. Явились они нарочно преподать мне урок и злобно унижить. Один из них, самый наглый, с отвисшим чубом, артистически продекламировал:

*За горами, за лесами,
За широкими морями,
Против неба — на земле
Жил старик в одном селе!*

Скажи без утайки, — потребовал он. — Разве ты написал?

— А кто же?.. — с трудом выдавил я.

— Пушкин! Кто же ещё.

Другой вольнодумец сбоку тоже задиристо задаёт вопрос:

— А что за существо такое — чудо-юдо рыба Кит?

— Обыкновенное сказочное существо... — пытаюсь объяснить.

— О какой опале он толкует? «Долго ль мне в опале быть?» Не тужься с ответом, это Пушкин спрашивает у царя, когда он снимет опалу с осуждённых в 25-м году?

Третий вольнодумец, с другого боку, тоже сказал:

— Царя сварил — это похвально! Наш император Пушкину не простил бы!

Опять вступил чубатый:

— Давай признавайся! Горбунка украл? У Пушкина. — Боковые голова злобно поддержали: «И остров Буян!» — «И царя Салтана!» — «И море-окиян!» — «Пушки откуда палят — с пристани или с крепости?!»

Такого нападения я не ожидал. Растерялся. Не буду же я им рассказывать о пушкинском подарке! Я же обещал!

— Эх ты! — неприязненно заключил чубатый и вскинул мне под нос фигу. — Ворюга несчастный!

Вольнодумцы, выказывая презрение, ушли, а я молча глядел им вслед, всё более печалясь своему бессилию. Так вот в чём смысл подарка! Где же мне сразу догадаться!.. Ну а теперь что делать? Не отказываться же от сказки!.. Отправился в город бродить по улицам, усмирять своё горькое негодование. Отчаиваться нив коем случае непозволительно... К сумеркам решение нашлось само собой — спасёт кропотливое пёрышко! Над сказкой нужно покорпеть, как и прежде задумывалось, следует внести побольше народного духа. Сие и Пушкину нужно, дабы отвести от него злобные подозрения, а мне — для собственного укоренения на земле! На ходу уже сочинял: «Очью бешено сверкая...», «Кто-петь знает...», «Вьётся пластью над полями...» И пошло, и поехало! Сдаваться на милость вольнодумцам никак нельзя!

1835

Всю зиму напрягался, вносил исправления, с наисветлейшими намерениями приступил к сочинению виршей. А ежели по правде, ну будто оглох. Как бы поясней сказать о своём поганом состоянии?

*Ночь несчастий потушила
Свет живительного дня,
И отсюду окружила
Мраком гибельным меня...*

В явлении Пушкина Господь дал мне благополучную сытость, вечная благодарность Ему за чуткое внимание, а желательного спокойствия так и не обрелось. Из всех своих сил сочиняю, сголовы до ног в поисках лучшего применения способностей, коими одарил меня Господь. Сговорился с мастером музыки Осипом Мунке написать для него либретто оперной сказки. Написал, получилась похвально, и музыка зазвучала, и голосишки приятные нашлись, но сиеблагое начинание на том печально и завершилось. Обидно до горячих слёз!.. Аполлон Майков протянул дружескую руку, быстро «напечатал» меня в своём рукописном «Подснежнике». Номеня-то, с моей оглушительной славой, рази рукописное обрадует? Боже упаси быть нескромным и выпячиваться на публике, но сами-то они обращаются со мной, как со знаменитостью, ждут от меня какого-то умопомрачительного подвига!.. Ещё признаюсь самому себе, была тайная надежда на мою свежую пьесу «Суворов...», да ещё на драму «Фома кузнец». Бессонными ночами изводил я свечи да бумагу, а что взамен? Улыбки, лживый восторг, обещания, а затем — глубокая пропасть непонятого молчания... Понёс издателю, не стану упоминать его громкого имени, десяток новых виршей. Он принял, что-то напечатал, но выплачивая рубли, как-то уж очень по-свойски зашептал мне на ухо: «Ты бы у Пушкина поучился, у него пружина тугая, а не ровные вялые строчки...» Ладно, скрытое оскорбление пережил и вяпался в новое испытание. Один известный литератор, также умолчу про имя, надоумил меня советом переиздать Горбунка. Я и сам на сию тему давно подумывал, немедленно помчался к издателю. А тот (опять умолчу про имя) врезал мне напрямки: «Ты, батенька, виднospятил! Пока Государь жив-здоров, многие ему лета, о сказке своей забудь! Ты же за отступников, покусившихся на Государя, просишь! А его самого унизил! Тебе, батенька, повезло, что раньше такой подвох не разглядели. А разглядели бы раньше, тебя бы самого в котле, да без молока сварили!» Вот так поворот! Вот так сказка, в которой ложь, да с намёком!.. А я ведь сам сей подвох чувствовал, однако же по слепоте молодости ничего не мог предсказать, предвидеть угрозу собственно жизни... Увы, не спокоен я, бушуют, как буйные ветры, мои мысли и чувства, жаль, все их не передать, не вместить в мой скромные вирши... Господи, не бросай меня, вразуми, коим образом дальше-то жить в чуждом мне городе!..

Последнее откровение самому себе! Я так и не нашёл спокойствия. И всё больше и больше нахожу неприглядного в Петербурге, на коего ещё недавно возлагал свои жизненные надежды.

*Город бедный, город скушный!
Проза жизни и души!
Как томительно, как душно
В этой мертвенной глуши!*

Для меня теперь Тобольск лучше Петербурга. Решение моё твёрдое и бесповоротное. Займусь просвещением, буду учительствовать. Наконец, я успокоился, обрёл душевную свободу. Покуда не иссякли средства для достойного существования, покуда есть молодые силы, буду утверждать себя на новом поприще. Увезу в Сибирь величавую память о большом русском поэте, великом, щедром, подарившем мне в голодную, смертельную пору свою рукопись. Она спасла меня, а я постарался не выдать тайны... На прощание всенепременно пройдуся вдоль Мойки до высокихдеревянных ворот и трижды поклонюсь добрейшему дому...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Конечно же, газета не стала публиковать «исторические свидетельства», переписанные рукой безвестного студента Иванова. Скорее всего, он, не лишённый воображения, изложил спорную версию по-своему. Под нашими дебатами подвёл твёрдую черту главный редактор. Он сказал, что знаменитую сказку написал сам юный Пётр Ершов под сильным влиянием сказок Пушкина, которые знал наизусть. Отсюда и остров Буян, и царь Салтан, и вся схожая с Пушкиным стилистика. Мы согласились с этим мнением, однако оставались вопросы. Ведь сказка не совсем обычная, она с глубоко запрятанным социальным подтекстом. Ершов не стал бы писать, да так много, о тяжких проблемах чудо-юдо Кита, о его томительных (10 лет!) ожиданиях прощения. Нужна ли эта проблема прощения восемнадцатилетнему юноше, воспитанному на безусловном преклонении перед самодержавием? Если бы Пушкин принёс эту сказку своему личному цензору Николаю I, сказка никогда бы не увидела свет и, скорее всего, была бы уничтожена. Хорошо зная это, Пушкин, хотя и сам остро нуждался, отдал своё опасное сочинение никому неизвестному юноше в самый бедственный для него час. 500 рублей (гонорар за сказку) — по тем временам сумма немислимо большая. Есть ещё один интересный факт: в своей библиотеке Александр Сергеевич держал «Конька-горбунка» на полке для книг-мистификаций...

Так или иначе — сказка не погибла, «Конёк-горбунок» полнокровно живёт и скачет по всему белу свету. Только за одно это я бы поставил памятник человеку, который волею судьбы заслонил прекрасную сказку от безвестности, заслонил своим именем. А может быть, сочинил сказку сам. Один такой памятник Петру Павловичу Ершову есть — в сибирском селе, где он родился. А в другом, литературном памятнике, пока не созданном, юный Петр Ершов стоит в обнимку с Александром Сергеевичем Пушкиным...

НАСТОЯЩАЯ ЛЮБОВЬ

Рассказ

Дед Василий относился к запахам с особым пиететом, на полном серьёзе считая их чудом света. Даже хлеб ел не как все, а отломит краюху и нюхает её, и нюхает, любитесь, осматривает со всех сторон, и вздыхает, и постанывает, пока последними плохими зубами не откусит тёплую хрустящую корочку и, как сам шутил, не запустит жевательный механизм. А с каким восторгом дед Василий вдыхал запах дерева! Ког-

да в молодости, после техникума, послали его работать на лесопильный комбинат, он не только одним взглядом узнавал лесную породу — с закрытыми глазами, лишь по одному запаху, мог угадать, что за дерево — осина ли, берёза ли, клён или дуб. А потом, когда стал работать шофёром и погрузился в бензинное марево, стал носить в кармане пахучие деревянные бляшки и с удовольствием подносил их к носу. Жене своей, когда женился во второй раз, наказал духами себя не портить, благонравная его Елена и без духов была приятна. Ну а с первой, в которую сломя голову въехал по наивной глупости, всё как будто было хорошо, но управлять собой она Василию запретила. Да и немного-то и пожил с первой, для неё, многоопытной красавицы, он оказался слишком зелёным и неумелым... Да что вспоминать! Было и быльём поросло.

Особенно нравились деду Василию лесные прогулки в осенние дни, когда и дождичек несерьёзный, и солнышко ещё тёплое, и жёлто-красный листопад только начинается, и вся лесная природа пахнет по-особому. И в один такой день, после лёгкого дождевого окропления, он, благо никто не мешал, накинул на плечи старый шелестящий плащ, сунул седую голову в фетровую шляпу, извлёк из шкафа трость из ольхи, переобулся в резиновые сапоги и, прихватив туесок, который едва не забыл на балконе, неспешно пошагал на автобусную остановку. Подошёл нужный маршрут, и через сорок минут полупустой автобус доставил его на перекрёсток дорог. Ещё километра три бодрым пешочком — и дед Василий на месте. Начинался редкий берёзовый перелесок, а за ним — разнолесье и разногрибье. Знакомая тропа уже присыпана золотинками берёзовой осыпи, но ещё не спряталась под листопадом. Лес повеял прямо в лицо особенным ароматом, именно таким, какой дед Василий любил — как будто из парной, где парятся берёзовыми вениками, но сравнение с парной, заметил он про себя, — слишком грубое, здесь дух более тонкий и более приятный... Как бы порадовалась его Леночка, ведь они приходили сюда не один раз! И как хорошо, что он вчера побывал на месте её упокоения, поговорили, отвели душу... И за дочь они оба спокойны, она с достойным супругом в полном согласии живёт на Дальнем Востоке, растит хороших детей и внуков.

Возле старых берёз, с почерневшей от времени корой, дед Василий остановился и уже не в первый раз подумал: «А ведь за чёрной корой, несмотря на возраст, — белоснежное тело...» Он вспомнил, как однажды подвозил к дому молодого парня, у него в руках была книжка стихотворений Бориса Корнилова, и парень всю дорогу читал стихи. Дед Василий после этой поездки и полюбил поэта Корнилова, потом сам нашёл в библиотеке его книжки. Ну как не запомнить: «Берёзы спелой тело белое...» Надо же, так почувствовать — «тело белое!» Вот они, белотелье красавицы, любуйся, впитывай в себя их красоту!.. Да и вот она, лесная тропа, ведущая в мир берёзовой красоты!..

На душе было легко, и совсем не хотелось напрягаться, шарить глазами под ногами да по сторонам, ну выглянет сама коричневая шляпка белого, или замаячит красноголовик — вот и ладненько, тогда и нагнёмся. Взгляд произвольно скользил по многоцветному убранству ершистой тропы, будто длинный-предлинный ёж специально, для одного лишь украшения нацепил на мягкие иголки яркие резные листочки, чудо и только!.. И вдруг откуда-то сбоку едва ощутимо потянуло гарью. Дед Василий беспокойно повёл носом, стараясь точнее угадать, откуда это в лесу признак пожара? Большого огня, конечно, быть не могло, но всё-таки посмотреть нужно... Через минуту-другую он наткнулся на чёрные головешки бывшего костра и возмутился: «Ай, ай! Ну, конечно, беспутные пацаны! Разве можно среди деревьев костры разводить!» Он тяжело, поясница всё же побаливала, согнулся над свежим пнём и опять возмутился: «Что делать с губителями природы! Никак не переведутся!» Сел на пень и острым концом трости, на всякий случай, пошевелил головешки — не осталось ли тайной искры для взбалмошного ветерка, всег-

да готового раздуть огоньк? Потревоженные остатки костра зачалили гарью, разбудили память, и дед Василий обомлел — давно не было таких откровенных воспоминаний...

Из далёкого мальчишеского детства налетел резкий, но приятный запах большого костра. Это было в прошлом веке, в послевоенные годы. Сколько Василию было тогда — лет двенадцать? Праздничный костёр для ребят развели взрослые — рядом с сараем на широкой детской площадке напротив двухэтажного дома, в котором Василий жил. Два соседа-фронтовика с медалями, наблюдали за огнём, а мальчишки и девчонки носились вокруг с весёлыми криками. Потом утомонились, притащили из подъездов стулья и табуретки, расселись, стали смотреть свою самодеятельность. Да разве Василий мог тогда знать, что влюбится по уши в Надьку, которая с подружкой Верой частенько приезжала с другого конца города на посиделки или поиграть в лапту! Надька переделалась в балерину, она, оказывается, ходила в балетную школу! В белой пушистой юбочке, да на пуантах её не узнать: была просто Надька, а теперь настоящая балерина! Танцем своим чуть не свела с ума всех, кто её воздушное кружение видел! Огромный костёр пылал, огонь выбрасывал весёлые искры, угощал горьковатым дымком, а балерина перебирала стройными ногами — вот-вот улетит в небесную синь!.. Потом выступали остальные, читали стихи, басни, пели и танцевали.

Дошла очередь до Василия. Он в ту пору, под нажимом родителей, осваивал баян и мог сыграть несколько популярных песен. Одну песню даже спеть. Вот и решился! Растягивая меха и нажимая на кнопки, запел: «Снова замерло всё до рассвета...» Как исполнял всю песню, уже не помнит, но память самое значительное сохранила: когда он пропел «Ты признайся, кого тебе надо, ты скажи, гармонист молодой», девчонки и мальчишки вскочили, захопали в ладоши, заулыбались, все как один повернулись к Надьке и показали на меня! Её подружка Вера продолжала хлопать и даже крикнула «Ура!». А что Надька?.. Она, распахнув свои небесно-синие глаза, не мигая, в упор, с торжественной улыбкой смотрела на Василия. Василий понял, что влюбился!..

А что было потом?.. Дед Василий стал перебирать в памяти эти непонятные, всё заглушающие вокруг и одновременно радостные ощущения... Парень Василий, вернувшись после концерта домой, сходу сочинил стихотворение:

*Я помню платье синее горошком,
Я помню тот цветущий сад,
Где мы гуляли по дорожкам,
Я был с тобою, я был рад...*

Он, конечно, приврал — цветущего сада не было. И с Надькой по дорожкам не гулял. Но Василий был уверен: в стихах можно фантазировать, лишь бы удачно выразить большие чувства... Теперь, решил он, нужно что-то делать. Нужно с Надькой как следует познакомиться, да и в самом деле — погулять в парке. А для этого, как поётся в знаменитой песне, «первым делом» необходимо встретиться. А чтобы встретиться — подкараулить Надьку у самого дома и... всё остальное!

Теперь в путь — за Надькиным адресом к Вере, лучшей её подруге. Вера (да, так все её звали, Надя — это Надька, а почему-то назвать Веру Веркой язык не поворачивался) жила намного ближе, всего в четырёх трамвайных остановках, в собственном одноэтажном доме. Сама вышла на стук, открыла калитку, и здесь же они поговорили. Она обрадовалась Василию, похвалила за артистические способности; голос её был тихий, приятный, глаза зеленоватые, добрые, с ней хотелось говорить и говорить. Она назвала адрес и объяснила: трёхэтажный дом сразу же за кинотеатром. Василий смущённо подал сложенный листок, в котором таилось стихотворение, посвящённое Надьке, Вера это понимала.

Стихотворение ей понравилась, она как-то печально сказала: «А мне вот никто стихов не посвящал...» Василий попросил: «Оставь себе... ну, пожалуйста!» Она немного удивилась, но листок не вернула. Прощаясь, он подумал, что мог бы полюбить эту девочку, такая она хорошая, симпатичная, так и веет от неё необъяснимой добротой. Но Василий теперь навек привязан к Надьке и на другую любовь не имеет никакого права.

Адрес получен, осталось добыть цветы. У Василия денег никогда не было, родители не поощряли денежную собственность, давали рубли только тогда, когда посылали в магазин за хлебом. А цветы-то нужны! Как же без цветов идти на... свидание! Это новое слово он произнёс про себя с каким-то страхом. «Надо привыкнуть, — успокоил он себя, — тогда и страх пройдёт». Поездки по городу подсказали: в разных местах высаживают большие цветочные клумбы. Если сорвать несколько цветиков, никто не заметит. Такую клумбу он нашёл на вокзале, долго присматривался, с какой стороны подойти, наконец-то наступил ботинком на край клумбы, сделал вид, что завязывает шнурок, и ловким движением сдёрнул жёлтый лютик и, кажется, две-три незабудки. Зайдя за угол, короткие стебли расправил и спрятал в карман курточки. Всё! Можно отправляться по адресу.

Добравшись до Надькиной трёхэтажки автобусом, Василий хорошенько осмотрелся, нашёл подъезд, из которого Надька должна выйти, даже её окна на втором этаже определил — квартира выходит на эту сторону. Значит, незаметно ходить-прогуливаться он будет от подъезда до кинотеатра — от малолюдного места до скопища людей возле кассы... Улица оказалась вполне приятной, под разлапистыми клёнами, с едва уловимым запахом пыли и дождя. Сколько раз он прогулялся взад-вперёд — не считал, да и не думал об этом. Он весь был в предстоящей встрече, представляя её в разных вариантах с одним счастливым концом — белозубой, во всю ширь улыбкой, с бликами солнца в синих глазах. Вручая крохотный букетик, он прикоснётся к волшебным рукам, которыми, как крыльями, Надька могла взмахнуть и унести их обоих в мир, называемый счастьем... Да, это странные, даже немного страшные слова — свидание, счастье, да ещё цветы, которые нужно суметь подарить, не просто же передать из рук в руки. Самое страшное немедленно превратится в радость, если люди любят друг друга, если хотят видеть друг друга каждую минуту... Так, по-взрослому, размышляя Василий и очень верил в предстоящую замечательную встречу.

И встреча неожиданно произошла. К вечеру из кинотеатра, после очередного сеанса, хлынула на улицу людская толпа. Василий не придавал этому значения — сеансы заканчивались не один раз. А тут он явственно разглядел Надьку! Да не одну! Рядом с ней ухмылялся длинный лохматый верзила! Они держались за руки! А когда Надька заметила Василия, руку выдернула и прискоком ринулась прямо к нему! Подступила близко-близко и в лицо Василию белозубо выдохнула: «Ты чего здесь делаешь, а? Думаешь, не вижу, как ты под окнами моими торчишь! Не ходи за мной, слышишь!» Василий сделал шаг назад, чуть не оступился, Надька торжествующе засмеялась. Больше он ничего не помнил. Как добирался домой тоже не помнил. Но дома всё же попробовал собраться с мыслями, понять — что же произошло? Как же так — чистая, откровенная, счастливая улыбка, такие небесные глаза — они же врать не умеют! Да и ребята вокруг всё видели, и Вера — лучшая её подруга радовалась, они и открыли нас, они и соединили нас! Нет, такие честные глаза обмануть друзей не могут... А этот длинный балбес просто прицепился, она-то видит его насквозь, такие глаза любую фальшь заметят, не сегодня-завтра она опомнится, спустит балбеса с крутой лестницы. Надо подождать да рассказать Вере! Лучше всего завтра же пойти к ней!.. С этим решением Василий как будто успокоился, памятые цветы устроил в стакане с водой, с удовольствием понюхал и сел за уроки. Но уроки не хотели лезть в голову, им мешали небесной синевы глаза и Надькины слова: «Ты

чего здесь делается, а?» Слова злые, недобрые. Мама как-то говорила: «Женщинам свойственно горячиться, они в этот момент могут говорить всё, что угодно...» Вот и Надька погорячилась! Не знала же, что Василий несёт ей цветы!

Вернулась с работы мама, заметила, что сын не притронулся к ужину. Почувствовала — с Василием что-то не так. И само собой нашлось замечательное решение! Мама сказала, что профсоюз выделил для неё и папы два билета на «Лебединое озеро». Папа в поездке, без него она не пойдёт. Значит, повезло Василию! Ему и кому-то из его друзей. Услышав об этом, Василий сразу же хотел отказаться — Надька ведь не согласится! Но через две секунды передумал: он отдаст билеты Вере! Как подарок! Пусть делает с ними, что хочет... Настроение поднялось, и Васька с аппетитом поужинал. А на следующий день после уроков, собираясь к Вере, Василий разволновался. Сильно засомневался: может, билеты выбросить? Если узнает Надька, тут уж точно никогда не простит... Дойдя до калитки, он потерял силы, даже как следует постучать не получилось — какое-то царапание, Вера может и не услышать... Но услышала не Вера — калитку распахнула молодая черноокая женщина в черном трико, в чёрной короткой юбке, коротко стриженные волосы и те чёрные. Хлынул лёгкий цветочный запах. Это приятно. Приятно и круглое курносое лицо с румяной белизной и улыбкой, по краям которой заиграли ямочки. «Какая красивая! — подумал Василий. — Наверное, спортсменка...» Он решил, что Веры нет дома и следует уйти. Но «спортсменка» остановила: «Так вот ты какой, поэт Василий!.. Веруша! — обернулась она во двор. — К тебе пришли!.. А я, — доверительно сказала она Василию, — Верушина мама. — И усмехнулась. — Папы у нас нет, мы ему не нужны! Ну, поэт Василий, заходи в дом!»

В дверях дома появилась Вера, помахала Василию рукой и опять исчезла. «Идём, идём! — поторопила Верина мама. — Будем угощать поэта чаем!» Благоухая тонким ароматом, она усадила Василия за стол, разложила перед ним небольшой альбом с бархатной обложкой. Принесла чернильницу, ручку и листок с его стихотворением. «Переписывай! Этот альбом твой. Будешь записывать всё, что сочинишь!» Василий молча заскрипел пёрышком, заметил — перо-то — рондо, а не школьное — 86! Красиво переписал, накрыл обложкой, аккуратно передвинул на край стола. Тут и Вера внесла два чайника — с кипятком и с заваркой, Верина мама поставила блюдце с карамельками. Василий решил сразу же взять быка за рога — встал и подал Вере два заветных билета: «Это, Вера, тебе и твоей маме... На балет «Лебединое озеро!» — «Ещё чего! — воспротивилась Верина мама. — Вместе и пойдёте! Когда лебеди танцуют?» — «В воскресенье. Будет выходной день...» — «Вот и замечательно!» — Василий съёжился: Верина мама, не спрашивая у Веры, обрекла её на поход в театр! А как же сама Вера? Вера послушно кивнула: «Хорошо. Я давно хотела в театр...» Стараясь быть весёлым и непринуждённым, Василий пил чай и отвечал на бесконечные вопросы. Вдруг Верининой маме захотелось проверить Василия по части домашнего хозяйства. Она так и сказала: «Проверим, насколько ты хозяйственный мужик. Вот тебе деньги. — Она достала из сумочки нужную сумму. — Больше не потребуется. Слетай на рынок и купи граммов семьсот-восемьсот говядины. Попроси для супа грудинку». Василий помчался на рынок, это недалеко, отстоял огромнейшую очередь и купил кусок мяса. Толстый продавец и не думал спрашивать, что покупателю нужно, и рубил всё подряд... Василий бережно принёс этот кусок, завёрнутый в газету, поскольку другой бумаги у мясника не было, но благодарных слов не услышал. «Что-то уж очень долго, — вздохнула Верина мама. — Я просила грудинку, а ты принёс на котлеты... Ладно, будем считать, слетал не напрасно».

Уходил Василий из гостеприимного дома со смешанным чувством радости и тревоги. С одной стороны, он приблизился к девочке, о которой мечтали все пацаны, на такое расстояние, о котором они не осмелива-

лись и думать. Разве это не радость! Но с другой стороны, на Веру откровенно засматривался Юрка Родионов, и ребячий двор их соединил, как соединил Василия и Надьку. Честно ли будет перед Юркой, если он с его девочкой пойдёт в театр? Не обидится ли Юрка насмерть, на всю жизнь? В этом и есть смертельная трудность. Но так ли уж смертельная, размышлял Василий. Юрка, по-настоящему, не должен обидеться, ведь Василий идёт с Верой в театр не как жених и невеста, а просто по-дружески, без тайной мысли в голове! Но этот довод мало успокаивал. А когда Вера пришла в театр неотразимо нарядная, да удивительно красивая, Василий затревожился ещё больше. Сели они, согласно билетам, в партере, даже во втором ряду! И оркестр был слышен во всём звучании, и весь балет разворачивался прямо перед глазами... Вера была смущённая, притихшая, не отводила глаз от сцены, на которой вершилось сказочное волшебство. В антракте Василий сбежал в буфет, принёс Вере шоколадку, красивая девочка благодарно кивнула, но шуршать открытием не стала, быстренько спрятала угощение в сумочку.

Веру полностью забрали к себе белоснежные лебеди. Василий чувствовал — лебединая сказка ей жутко нравится, как и ему самому. Но Василий грезил Надькой, видел её летящей на крыльях над озером, даже удивился, насколько похожа на неё одна из балерин, следил за красавицей-птицей от начала до конца, ему даже казалось — он чувствует запах костра, возле которого танцевала Надька... Балеринам в конце спектакля долго хлопали, не отпускали на отдых. Но тяжёлый занавес всё же закрылся, и зрители потянулись к вешалкам — и по домам. Василий не спускал с Веры глаз, но боялся даже притронуться. У калитки её родного дома он не протянул девочке руку, на прощание ничего не сказал. Вера смотрела на Василия как-то особенно тепло, ему даже показалось, она ждёт, когда же он поцелует её в щёчку... Нет, не дождалась, нет, не поцеловал. Красивая, но чужая Вера неуверенно скрылась за калиткой. Огорчённый Василий отправился на трамвайную остановку, заторопился домой.

Эта история с походом в театр так и осталась в памяти деда Василия ярким и тревожным лучиком света. В тот поздний вечер он твёрдо решил, что ходить к Вере больше не будет. Хотя так жалко, и думать об этом противно! Зато честно перед Надькой, честно перед Юркой Родионовым, да и честно перед самой Верой. Они ведь даже не дружили, а так уж нечаянно получилось... Через прошедшие годы, когда и школа осталась позади, и учёба в техникуме, небесные глаза Надьки не потускнели, и вся она, и её лебединый танец в отблесках костра, не уходили из памяти, а наоборот, становились значимей, романтичней. Девушки с интересом поглядывали на возмужавшего Василия, сами пытались заговорить с ним, сойтись поближе, но Василию всегда что-то мешало, он избегал их притягательной прелести, ему и самому с собой было неплохо. Мама стала спрашивать: «Неужели мир оскудел, и хороших девушек не осталось?» — «Вовсе нет, — отвечал он шутливо, — не мир оскудел, а я сам не дорос до красоты. Да и куда торопиться?» На свадьбе своего друга, где нужно было и тосты произносить, и петь, и танцевать с девушками, после нескольких фужеров шампанского он впервые подумал: «А может, и мне жениться?» На ум опять пришла Надька — где она, что она, отвязалась ли от того балбеса? Поутру, проснувшись после обильного хмеля, он мгновенно вспомнил о возникшем желании найти Надьку. Очень уж захотелось! Но караулить её возле трёхэтажки просто глупо. Лучше всего опять поехать к Вере, обо всём расспросить, Вера обязательно поможет!

Дом Веры встретил Василия непонятными сумбурными звуками за оградой — не то пели, не то кричали. Когда он постучал, перед ним во весь рост предстала Верина мама, от неё веяло знакомым цветочным ароматом и алкоголем. Она была в чёрном, но не в трико с сарафанчиком, а в длиннополом платье с глубоким вырезом на груди. «А, поэт Василий! — узнала она и восхитилась. — Да ты теперь красавец мужчи-

на!.. Принёс альбом со стихами? Я угадала?» — «Нет. Я ничего не пишу, — пролетел Василий. — Извините. Я просто... навестить Веру...» — «Плохо. Очень плохо! Особенно плохо для тебя. Опоздал! — Верина мама криво улыбнулась. — Ну, заходи, не стесняйся!» Пройдя во двор, Василий наткнулся на праздничный стол, уставленный бутылками и тарелками с едой. Вокруг стола — весёлые мужчины и женщины, а в конце, лицом к Василию, — Вера и молодой мужик лет тридцати. Они сидели в обнимку, тяжёлая рука мужика лежала на слабом Верином плече. Вера похорошела, с румянцем на щеках. Но Василий остановил взгляд не на ней, а на её «кавалере»: очень уж выразительное лицо — острый нос, острый подбородок, острый мысок на лысине... А глаза — две чёрные влажные сливины, закатившиеся под густые брови. Где она это страшнелице раскопала?.. Гости вокруг стола загалдели, приглашая Василия к столу. Но он громко соврал: «Извините, не пью!» — и уверенным шагом направился за калитку.

Так неудачно закончилось вспыхнувшее желание разыскать Надьку. На дежурство возле кинотеатра, как ни уговаривал себя, всё же не решился... И тут, совершенно неожиданно, познакомился с такой неотразимой девушкой, что не устоял и немедленно потащил её в ЗАГС. Жизнь потекла, как по камням слабая речка. Это, конечно же, было ошибкой. А может быть, иногда думал Василий, виновата его потаённая любовь к Надьке?.. Гораздо позже, когда Василию было за сорок, он взбаламутился ещё раз. Повёл Леночку на «Лебединое озеро» — очень уж потянуло в прошлое. Балет замечательный, балерины великолепные — сплошной праздник души! А в антракте этот праздник враз испортился — Василий наткнулся на остроносого с глазами-сливинами, который много лет назад за столом обнимал Веру. Остроносый был не один — рядом с ним под ручку молодая симпатичная женщина, конечно же, не дочь. Получается, Вера с этим типом разошлась!.. На следующий день Василий, немного поколебавшись, помчался к ней. И опять неудача — на месте Вериного дома, в клубах пыли, работал экскаватор, грузил строительный мусор в самосвал.

Всё, Вера из его жизни ушла окончательно. Но Надька-то осталась!.. Тут Василия осенила простая мысль: есть же телефонные книги, в которых указаны все городские адреса! Есть и Надькин телефон, который, Василий слышал от ребят, Надька держала в секрете. Если знаешь адрес и фамилию, получишь искомую истину! Номера телефонов так просто не меняются, нужно искать!.. Найти телефонную книгу, а в ней Иванковых было проще простого — их с разными номерами телефонов оказалось около десятка. Что ж, надо потрудиться! Первые два номера отмолчались, третий, когда он попросил Надежду, грубым мужским голосом отрезал: «Таких у нас нет!» Четвёртый — то же самое. На пятом звонке повезло, отозвался тягучий женский голос: «А кто спрашивает?» — «Товарищ по школе, — соврал Василий, надо же что-то говорить! — Мы собираем одноклассников на традиционный вечер». — «Надя здесь не живёт». — «Где же? Дайте, пожалуйста, адрес!» — «Надя уехала в Тверь. Адрес знает её мама. У нас разные мамы...» — «А как маму найти?» — «Она живёт в микрорайоне. Точно не знаю...» — «Можете узнать?» — настаивал Василий. «Хорошо. Позвоните через пару дней». Надькина сводная сестра положила трубку, а Василий порадовался: есть реальная зацепка! Однако зацепка оказалась липовой — сколько потом ни звонил Василий по этому номеру, трубку не брали. «И не возьмут», — понял он, наконец, и постарался о Надьке не думать... Получалось плохо, но постепенно жизнь захватывала, и Василий стал Надьку забывать. Но, похоже, совсем забыть не получилось, если чёрные угли отгоревшего костра сумели растормошить прошлое...

Деду Василию уже не хотелось вставать, солнечное тепло пригрело, он с наслаждением дышал лесным воздухом с едва уловимой горьковатой примесью. Он закрыл глаза и задремал. Почудилось — он на вокзале,

поднимается в вагон, устраивается, как в молодости, на верхней полке, и ему приятно только от одной мысли: он едет в Тверь!.. Крепко засела в голове эта Тверь! Теперь он в этот город приедет и сразу же разыщет паспортный стол. Там ему вручат фирменный бланк с точным адресом Надежды Ивановой. Вот он подъезжает к перрону, спешит покинуть вагон, и случается чудо — навстречу идёт сама Надька, но теперь уже не синеокая девочка, а...

Боже мой! Неужели и впрямь сама Надька?!. Дед Василий открыл глаза и увидел перед собой пожилую женщину, явно свою ровесницу, в ватнике, теплом платке, в валенках на резиновых галошах. В руках корзинка, полная грибов. Выцветшие, когда-то голубые глаза смотрели приветливо, морщинистые губы зашевелились, доброжелательно произнесли: «Вставай, дедушка! Не спи! Не то все грибы другие пособирают!» — «Ну и пусть! — махнул рукой дед Василий. — Разве мне жалко!» Он с трудом поднялся, стряхнул мелкий сор и листочки, решил вернуться домой. «Слишком много, — решил он, — было сегодня событий! Даже с Надькой встретился!»

А охотница за грибами отошла в густой березнячок и затаилась — так заинтересовал её странный старик. Погляди-ка, даже шляпу снял и чего-то уставился с задранной бородой в небо! А в небе и облаков-то нет, все уплыли, даже самолёт не пролетал. Да и дышит старик как-то странно — вдохнёт в себя воздух и медленно-медленно выпускает. Уж не случилось ли что с сердцем?!

Слава Богу, не случилось. Старик надел шляпу и зашагал в сторону шоссе...